

70-летие ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

УДК 821.161.1; 822

К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ. ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

© Лариса Васильевна ПОЛЯКОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор, научный руководитель института филологии,
e-mail: ruslit09@rambler.ru

Воссозданы штрихи к коллективному портрету современной поэзии Тамбовского края. Обращено внимание на художественные поиски поэтов разных поколений, но сформировавших свои творческие заповеди на пересечении трагических координат русской жизни. Старшее поколение представлено участниками Великой Отечественной войны (И. Кучин, С. Милосердов); теми, кого называют «детьми войны», – стихами В. Дорожкиной, Е. Начаса, Ал. Макарова. Поэзия рожденных в мирное время и входящих в литературу в напряженно-драматический период общественно-политической перестройки 1990-х гг. сосредоточена в лирике М. Струковой. Используются методология фрагментарного анализа, жанровая форма литературно-критической мозаики. В творческой палитре поэтов подчеркнута место темы Великой Отечественной войны как события, изменившего сам характер художественного видения, когда «служба памяти», противостоящая все нивелирующей силе «бега времени», особенно бдительна, а основные противоречия XX в. приняли угрожающе-трагический характер. Отмечено, что поэтика авторов стихотворных сборников насыщена образами дома, родной земли, русской природы, мотивами дружбы, интернационализма, «восхищения и света», звучащей симфонией жизнеутверждения, любви. В стихотворном коллективном портрете масштабно присутствует тема России и «малой» родины, отражена жизнь Тамбовского края, среднерусской провинции начала третьего тысячелетия. Сюжетное пространство поэзии насыщено драматическими картинками, запоминающимися яркими человеческими характерами. Акцентирована роль биографии авторов.

Ключевые слова: тема Великой Отечественной войны; современная поэзия; поэтика «службы памяти»; индивидуально-творческий колорит; литературное краеведение.

В многочисленных стихотворных сборниках тамбовских авторов последних лет создан коллективный портрет поэзии нашего края. Он во многом отражает характер поэтического творчества современной России. Поэты старательно пишут свою индивидуальную биографию, она достаточно выразительна: поиски, удачи, ухабы, проселки и исхоженные тропы – все стягивается к большой дороге русской поэзии XXI в. И каждый автор по этой дороге идет своим шагом, имеет свою походку и скорость передвижения. Кто-то идет уверенно, кто-то пока не вышел из проселков, а кто-то откровенно застрял в ухабе. Но так или иначе портрет узнаваем, черты не смазаны, выпукло прорисованы. Есть стихи, стихотворные сборники, и есть поэзия, в которой не только автор настраи-

вает свою личную спасительную лиру, но, как в зеркале, отражена жизнь Тамбовского края, среднерусской провинции начала третьего тысячелетия.

Свое место на тамбовском Парнасе, свои биографии, темы, ассоциации у старшего поколения поэтов. Из советского времени они перенесли колоссальный опыт общения с читательской аудиторией, их имена знают в школах области не только по перечислительному ряду, включенному в учебник для 8–9-го классов «Литературное краеведение» (Тамбов, 2007), на страницах которого представлены и почти все другие имена тамбовских авторов, не имеющих отношения к Союзу писателей (СП) России. При вступлении в СП старшие поэты прошли жесточайший отбор, который неизвестен современ-

– Кто строил памятник? –
 У города спросили.
 И он ответил:
 – Дети Хиросимы.
 – А в честь кого?
 Чей образ он хранит –
 В сердца людские
 Врезанный гранит?
 Чем дорог он народу,
 Чем приметен? –
 – Здесь памятник
 Погибшим нашим детям...

Один журавлик «долетел» до московского Дворца пионеров и с утра до вечера глядел на веселых ребят, глядит и сейчас, «глядит тепло и доверчиво – как на друзей глядят».

Интернациональная лирика – составная часть темы борьбы за мир – широко представлена в творчестве Ивана Кучина. В критике отмечалось лучшее стихотворение этого ряда – «О моем имени». Не только в годы войны имя Иван считалось символом стойкости, непобедимости русского народа. И сила – ее обобщает поэт в гиперболическом образе гудящей Земли – в единении с Иоганнами, Гуанами, Джованни, с Джоанами и Янами: «Сыны рабочих и сыны крестьян, / Сыны германцев, римлян и славян. / Земля гудит под нашими ногами. / И с вами вместе я – простой Иван». Обращаясь к кубинскому поэту Индио Навори в стихотворении «Патриа о муэрте!» («Родина или смерть!»), поэт снова говорил от имени горевших в пламени Великой Отечественной войны:

Я ведь тоже – солдат бывалый,
 В небывалой горел грозе.
 Наши руки
     врагов убивали
 И умеют
     обнять друзей...

О стремлении к дружбе между народами, к миру говорят и многочисленные переводы И.С. Кучина с немецкого, французского, болгарского, сербского. В свою очередь и стихи И. Кучина переведены на некоторые языки мира.

По-разному вели себя люди на фронте. Человек, поставленный в экстремальные условия, наиболее полно раскрывал свои нравственные качества. И. Кучин воспел «мальчика-солдата», которого от смерти спасла санинструктор Вера, а через некоторое вре-

мя, когда мальчик с букетом цветов пришел в санбат, увидел бугорок и дощечку с надписью: «Лежит здесь санинструктор Вера. Ей было восемнадцать лет». Лучшие строки поэты посвящены однополчанам, воинам бывшей 35-й Гвардейской стрелковой дивизии. Поэтичен рассказ о «непогибшем герое» «пехотинце морском» Михаиле Паникахе. И сколько таких сюжетов хранила память поэта-фронтовика!

...Есть у Ивана Кучина стихотворение, лирико-драматической коллизии которого хватило бы на целую повесть, – «Кони». Это поэтический рассказ о том, как однажды дедушка взял мальчика в ночное, посадил его на коня-трехлетку, мальчик не удержался, не выдержал скорости бешеного бега и упал прямо под копыта мчавшегося табуна. Но кони не тронули мальчика, перескакивали через него, и он остался жив. Остался жить. А конь-трехлетка терпеливо стоял в стороне и ждал своего маленького друга. «Кони» – повествование о человечности нашего бытия, каким бы грозным оно ни было, о силе и победе добра, о торжестве жизни. И это программный мотив творчества поэтов-фронтовиков – мотив магистральный, оптимистический. Это апофеоз всей творческой биографии Ивана Кучина. Это мощный музыкальный аккорд, прозвучавший в конце земного пути нашего замечательного современника.

* * *

Тема войны – неотъемлемая часть творчества поэта-фронтовика **Семена Милосердова**. Во сне и наяву ему постоянно слышался «отзвук раскаленного набата»:

Стоны, грохот, пепел, дым и прах...
 Я бегу... Мне слышится комбата
 Голос, огрубевший на ветрах...
 Проплывают выжженные лица,
 И разверсты огненные рты...
 Сколько ж будут сны такие длиться?
 До моей последней, знать, черты.

Во всем хорошем, с чем сталкивался поэт в мирной жизни, он видел своеобразный памятник павшим:

Эти мосты и ангары,
 Эти дворцы, телебашни,
 Эти сады и бульвары –
 Памятник павшим.

Главный мотив поэзии Семена Милосердова, по его собственному признанию, – мотив «восхищения и света»; это поле утренней чистоты, которой наполнены стихотворные строки, несмотря на поистине трагическую судьбу, выпавшую на долю этого человека. И, тем не менее, поэт всегда находился «во власти стихии солнца и стиха». Вот что особенно выделено мною в «Слове о друге», предваряющем сборник «Белые колокола» (1991): «Земля и корень. Это, пожалуй, одна из объемных метафор поэзии С. Милосердова. Земля с постоянно звучащей симфонией жизни, земля, прислушивающаяся к скрипу колес и жужжанию шмеля, к гудению трактора и к пению старинных народных песен. Земля в разноцветии красок и запахов... Природа и человек, природа и работа. Какая-то щемящая русская грусть, какое-то постоянное присутствие ощущения невосполнимости. Но эта печаль не разрушающая, не испепеляющая душу. Она очищает, идет в корень, насыщает его живительной силой, накапливается в народе, передается от поколения к поколению...».

О чем бы ни писал поэт – о весне или лете, об уборке урожая или рощах Притамбовья, о зимовщиках или переселенцах, – везде чувствуется «земное притяжение»: не созерцание людского труда, а участие в нем, не взгляд со стороны, а глубокий интерес ко всему, чем живет человек. Поэту дороги «косцов запотевшие лица», «облака над головой», потому что «все это вместе – частица России моей луговой...».

И на войне поэт защищал прежде всего эту бескрайнюю красоту родной земли. Сколько душевной боли автора вобрали в себя строки стихотворения «Зерна»:

Я помню: был смертельным грузом
Взрыт косогор; как близ реки
Дымясь, на поле кукурузном
Светились зерен угольки.

Бой отгремел. Пожар потушен.
И мы ушли за косогор...
А эти зерна жгли нам души
И обжигают до сих пор.

Стихи Семена Милосердова проникнуты ощущением неразрывной связи человека с землей, на которой он трудится. И оттого, что сам поэт близок к этой земле, что он свой

в любом селе, в любой деревне, стихи читаются легко. Они даже не читаются, а льются, как золотое зерно на большом току. И так просторно и светло становится на душе, словно ты сам приобщаешься к добрым делам, которые творит человек. Простота и образность – вот что свойственно поэзии С. Милосердова. У него не найдешь таких «сверхоригинальных» рифм и выражений, когда, прочитав написанное, долго думаешь: а что же все это означает? И уж, конечно, нет той избитости, какая дает пищу для многих пародий. Кажется, поэт вовсе и не подбирает рифму, не придумывает образные выражения – они сами приходят в стихи, делая их запоминающимися, а главное – заставляющими по-новому, глазами поэта, посмотреть вокруг себя и увидеть, что «березняка светящаяся кромка дыханьем сентября обожжена», услышать, как звучит осенняя тишина, и в этой прозрачности, в этой легкости уловить «черты моцартианства, гармонии сияющей красу».

Волшебством веет от лирики поэта, его стихи завораживают, и неохотно выходишь из этого мира – березового, грачиного, листопадного, пронизанного светом нежной, ранимой, вечно влюбленной души. Он порой и сам удивлялся, откуда появлялось такое, – вроде бы ничего волшебного, а душа трепещет:

Ты говоришь: бессонница...
Все бросить и забыть...
Но разве можно солнце
В самих себе гасить?

* * *

Валентина Дорожкина обладает редким и удивительным талантом – быть всегда влюбленной – в жизнь, природу, людей, в свой дом и город. Эта влюбленность, не иссякаемая ни при каких обстоятельствах, служит тем камертоном, по которому настраивается все лирическое пространство поэзии автора, отмеченной мудростью влюбленного сердца. И, как правило, мудрость концентрируется в концовках стихотворений, которые становятся афоризмами. Их хочется не просто запомнить, осмыслить, но принять в качестве жизненного ориентира:

Душа и разум вечно в споре:
Душа мечтает о просторе,

Стремится птицею в полет,
Но разум крыльев не дает...

Душе так хочется полета –
Хотя б на несколько минут!
Но разум прыгнул с самолета,
И – не раскрылся парашют.

(«Душа и разум»)

Выход на поэтическую медитацию, лирику размышлений непременно связан в творчестве В. Дорожкиной с декларированием собственных творческих постулатов, с формулированием своего отношения к процессу поэтического творчества. Обращаясь к музе («К музе»), поэтесса советует ей не учить рифмовать, «ведь не хитрое это дело, рифмовать я с детства умела»:

Научи меня душу отдать
Каждой строчке и каждому слову,
Чтоб достойно держать ответ.
Научи воспевать полю, —
Ибо колос давно воспет...

Вот творческое кредо автора: воспеть не только очевидную красоту и целесообразность, но и «полю», то, что, на первый взгляд, и недостойно одухотворения.

Нынешнее состояние поэзии, неукротимый приток в нее новых творческих сил, массовое овладение культурой стиха, с одной стороны, процесс вызревания проблем современности до глобальных масштабов – с другой, ставят на повестку дня вопрос о роли личности художника, о функции искусства в судьбе человечества начала третьего тысячелетия. Ныне все более возрастает роль не только массы, коллектива, а увеличивается удельный вес в обществе ответственности каждого отдельного человека. Личность художника во все времена – основа для построений ведущих художественных концепций.

В критической литературе в ходу сравнение поэзии, сделанной по всем правилам стихотворной грамматики, но лишенной живительных соков человеческого переживания, с бумажным цветком, не дающим запаха. В стихах тамбовской поэтессы мы сталкиваемся с иной ситуацией. Бывает, стихотворение формально незатейливо, но все равно сохраняет заряд человечности, способной удерживать внимание читателя. Традиция С.А. Есенина. Таково стихотворение «Вы

немало уже исходили». Оживленная магистраль города, грохочут мощные моторы, улицу переходит старая женщина:

А бедная приложит руку к уху
И слушает, поглядывая вниз...

И надолго запоминается эта беззащитная старушка наедине с гулом современной пугающей магистрали. Внимательный и человеческий взгляд поэтессы из многообразной картины бытия высветил лишь одну драматическую ситуацию, но такую, которая отодвинула на задний план мысли о стихотворной форме.

Лирика В. Дорожкиной неброская и ненавязчивая. Оттого и «званный гость», долгожданный собеседник в нашем доме героиня В. Дорожкиной, что мы ценим скромность, что истосковались по обычному человеческому теплу и человеческому участию.

Поэзия Валентины Дорожкиной – скромная, тихая, добродушная и предельно честная, очень нужная современному человеку, продолжающему активно терять представления об истинных ценностях. И в жизни, и в творчестве В. Дорожкина едина. Это очень существенно для творческого результата. Особое место в ее творческой программе занимает тема Великой Отечественной. Последовательна она в памяти об отце-воине, которому посвятила свое первое, самое удачное стихотворение «Моя причастность к войне», открывшее в 1978 г. первую книжку автора, «Причастность», вышедшую в Воронеже. Активная гражданственность и интерес к остро социальным проблемам – выразительная линия творчества тамбовской поэтессы, обеспеченная ресурсами ее личности. И не игра, не поза, а желание быть похожей на отца, погибшего в Великую Отечественную, желание оправдать гражданскую миссию дочери фронтовика диктует поэтессе вот эти строчки:

Если б видел меня отец,
То сказал бы:
«В меня уродилась».
И добавил бы: «Молодец!»

* * *

По общему пафосу и творческим поискам ближе всего к В. Дорожкиной стоит, по-

жалуй, **Евстахий Начас**. Неслучайно издательским рецензентом одной из его книг («Зимний листопад», 1981) стал поэт-фронтовик Иван Кучин. Неслучайно и то, что открывается сборник стихотворением, эпиграфом к которому стоят слова поэта-фронтовика Сергея Орлова «Я не помню, кто мне о России сказал...». Е. Начас родился «в сороковом, в июне, ровно за год перед войной». Война и стала лейтмотивом творчества поэта.

В поэзии Е. Начаса меня привлекает ее социальный, гражданский нерв, широта тематики, открытый лик лирического героя, отсутствие всякой позы. Поэт пишет о том, что хорошо знает, что пережил сам, что интересно другим. Он чувствует читателя, умеет его заинтересовать, не переутомить однообразием.

Есть у поэта своя «Землянка»:
Жила семья в землянке лиловой,
таилась в ней сырая тишина.
Глядела мать в глаза мне виновато,
о, как понятна мне ее вина!

Но тема военного голодного детства представлена сдержанно, она не перегружает страницы книги. Военные мотивы поэт предельно разнообразит: то покажет нам обелиски с именами погибших, то пригласит прочитать триптих о военно-спортивной игре «Зарница», то уведет читателя во времена Куликовской битвы, поведаст балладу о вдове, расскажет о том, как погиб мальчишка, тракторист, взорвавшийся вместе с трактором на «мирной» mine. Но, пожалуй, самый интересный поворот патриотической темы находим мы в стихотворении «Сад».

В истории русской поэзии XX в. есть шедевр безысходно трагического мотива сада, в особом темпо-ритме передающий напор, каскад чувств и страсти поэта. Это «Сад» (1934) М.И. Цветаевой:

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.

На старость лет,
На старость бед:
Рабочих – лет,
Горбатых – лет...

На старость лет
Собачьих – клад:
Горячих лет –
Прохладный сад...

Такой мне сад на старость лет...
– Тот сад? А может быть – тот свет? –
На старость лет моих пошли –
На отпущение души.

Стихотворение М. Цветаевой – ключ к мироощущению поэта, к великой тайне ее страдающей души.

И вот сад Е. Начаса с его интонацией, с его метафорами и художественными параллелями:

Наш старый сад стоит, светлей зари,
и яблоки, срываясь, в травах тонут.
И кажется, что это – снегири,
и чудится – деревья стонут.
Я собираю спящих снегирей
в постиранную майку, я спросонок,
и, как всегда, в потрепанной коре
я замечаю дымчатый осколок...
Он, сад, живой,
и, словно люди, помнит
разрывы мин, запекшиеся раны.
Как у солдат, к дождю все кости ломит,
так и у яблонь – ветки утром рано...

Образ сада вписан Е. Начасом, поэтом с гражданственно-патриотической доминантой своего творчества, не только в память автора, но и в историю страны.

* * *

В современных условиях всеобщего апокалипсиса, социально-нравственного тупика жизнелюбие и жизнестойкость лирического героя нелегко завоевываются. Они защищаются как самая неприступная крепость: если ее сдать, погибнешь. И здесь показательно и значительно творчество **Александра Макарова**. В его поэзии есть распространенный для современной литературы образ «малой родины». Когда поэт говорит «вся земля», мы понимаем, что речь идет прежде всего о крае, где он родился и живет сейчас:

К заре в родных полях
Притронувшись дыханьем,
Я понял, вся земля
Наполнена стихами.

(«А где живут стихи...»)

И все-таки «малая родина» – одновременно и окно в огромный мир, и звено в этом мире. «Ладонь прижав к земле, я слушаю движение времен и поездов, движенья звездных сфер», «ладонь прижав к земле единственного дома, я слушаю шаги родившегося дня» – так поэт по пульсу и сердцебиению родного края узнает, чувствует состояние родины, вселенной, истории и современности. Весь огромный мир перекрещивается во внутреннем мире автора. Исследование собственного «я» становится путем к постижению великих человеческих тайн и главных нравственных заповедей. Одна из таких заповедей, чутко и бережно осваиваемая А. Макаровым, – память, память-наказ.

Через все стихи, по крайней мере лучшие, в творчестве А. Макарова проходит тема послевоенного детства. Память поэта хранит картины, жуткие в своих контрастах. Широкое хлебное поле, залитое солнцем, васильки приветливо улыбаются голубыми глазами, жаворонки поют то ли грустную, то ли веселую свою песню, в тихой избушке с двумя голубыми окошками мама сидит за прялкой и рассказывает сказку:

Слово за словом. И слово
Зернышком в сердце ляжет.
В памяти колосом зрелым,
Голосом звонким всходить.
Бег колеса – продолжайся,
И не кончайся, пряжа,
Будь подлиннее, подольше
Не обрывайся, нить...
(«Нить»)

А из одной деревни в соседнюю долго идут голодные пары: потерявшие на фронте глаза, руки, ноги взрослые в сопровождении прежде времени постаревших детей. Эти картины никогда не станут прошлым, они стали историей родины, страницами родноведения как самой нестареющей науки. В поисках современного глагола поэт обращается к этим страницам: «Сон иль чудесное действо: послевоенное детство, / Мальчик стоит под окном. / Жизнь подает ему небо. / Солнце. А хочется хлеба! / Все остальное потом» («Изба»). «Глаголы: строить – жить во имя мира» – это наказ детства, это требование современности.

Послевоенное детство и – шире – Великая Отечественная война для А. Макарова –

не только тема или лейтмотив, но и угол поэтического зрения, та сторожевая вышка творчества, с которой далеко видно во все стороны света, как на заставе русских богатей.

«По голосам колосья различаю», «весь на миру. И миру отвечаю» – вот какой масштаб осознания своей причастности ко всему, что делается на земле, сила ответственности! Поэма «Отчий дом» написана в форме венка сонетов и потому звучит особенно торжественно и вдохновенно. Она – образец удачного использования венка сонетов в освещении исторической темы. Явление не распространенное в истории литературы. Ведущая мелодия, лейтмотив поэмы – образ русского хлебного поля, воплощенный в сонетную форму, получает лирически-державное звучание. Поле – это и малая родина, и поле жизни, и причал для долго странствующего корабля, и национальные корни, и прочные фундаментальные патриотические основания. Обращаясь к погибшим, поэт докладывает, что их корни, их зерна дали хорошие всходы. От имени своего поколения говорит:

Мы все на этом поле рождены.
Мы стали колосками. И корнями,
Как пальцами, разламываем камни.
Светлы. И радостны. И влюблены.
Мы поднимаемся из тишины
Глубокой борозды
Встать рядом с вами
Под небом с ястребиными кругами,
Под песней соловьиной глубины...

Поэма А. Макарова как талантливая скульптура героической России с ее героическими отцами и сыновьями.

Память отцов пульсирует и в ритме почти классической лирики **Валерия Маркова:**

Не шел я в атаку
в цепочке бойцов,
«Ура» не кричал я,
и не был я ранен.
Я знаю войну через память отцов,
по взрывам
на киноэкране.
Я утром весенним
травой не пророс,
не встал на века,
воплощенный в гранит.
И мучит порой,
как осколок, вопрос:

кто вместо меня
в той атаке убит?..

* * *

Тамбовская земля дышит в творчестве и более молодых авторов, тех, кто рожден на ней или прожил целый жизненный этап, но в тамбовской писательской организации лишь состоит на учете, проживая в Москве, Санкт-Петербурге или в Германии. Речь должна идти о почве, корнях, материнском начале творчества, и их авторы не прячут от читателя. У них свои представления о войне. **Марина Струкова** – одно из самых ярких имен на страницах тамбовской поэтической книги, Марфа Посадница современной русской поэзии. Ее имя стоит в первых рядах поэтов наших дней, оно на устах литературных критиков разных направлений и эстетических вкусов. Родилась в крестьянской семье в Саратовской области, в семилетнем возрасте вместе с родителями переехала в село 1-я Березовка Мучкапского района Тамбовской области. Здесь окончила среднюю школу, здесь на страницах районной, а потом областных газет были опубликованы ее первые стихи. Позже ее охотно начнет печатать журнал «Наш современник». Выйдут сборники «Чертополох» (1996), «Солнце войны» (1998), «Серебряная пуля» (2003). Окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Живет в Москве, однако исповедуется в стихах о среднерусской степи.

Если искать историко-литературные корни, то М. Струкова бесспорно продолжает традиции А.А. Ахматовой и М.И. Цветаевой, но лишь в одной их ипостаси – гражданственно-патриотической лирики. На страницах струковских сборников услышан голос А. Ахматовой, прозвучавший в блокадном Ленинграде («Мужество»):

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Или цветаевское:

Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь – и горжусь:
Челоскинцы – русские!

Марина Струкова работает уверенным и бесстрашным пером. Кажется, невозможно найти изъяны в поэтике ее стихотворных жанров, в структурных характеристиках, в ритмике или рифме. Культура стиха, можно сказать, безукоризненна. Все продумано до деталей. Все выдает высокий профессионализм автора, ее булатную стилистику:

...Вы – на жаргоне, на иврите,
вы – так, что я не повторю,
вы – по-английски говорите...
А я по-русски говорю.

Или исповедальное:

Я люблю тебя, степь,
словно жизнь, словно смерть,
золотая и знойная твердь.
Ты мне мать, ты мне дом
и курган со крестом,
и рубеж с богатырским постом.

Неслучайно книги М. Струковой сопровождаются предисловиями или послесловиями ее коллег, которые пишутся не для «отписки». И уже в этих разделах струковских изданий читатель попадает в энергетическое поле, на которое он, читатель, не может не реагировать.

Сборник стихов «Серебряная пуля» (М.: Наш современник, 2003) открывается предисловием Сергея Яшина, где он называет это издание «книгой о Войне. О Войне тотальной. О Войне, которая пронизывает весь мир своей огненной стихией. О Войне, которая требует полной безоговорочной мобилизации. При этом мобилизованным оказывается каждый...». И далее автор предисловия заключает: «Ведь сам мир соткан из сражающихся друг с другом противоречий», «только Война является самым глубоким архетипическим проявлением, ведущим по инициатическому пути, на котором неважно – убил ты или убили тебя. Именно этот путь выбран поэтом Мариной Струковой в качестве абсолютного самоопределения.

Марина – поэт Войны». Думаю, автор предисловия не точен в характеристике основного пафоса стихотворной работы М. Струковой. Да, она поэт с устойчивой творческой программой, она – певец русской судьбы, русского человека, русского долго-терпения. Именно поэтому она призывает к активности и героизму, к историческому созиданию:

Мало тех, кто выйдет вон из строя,
всей эпохи искупив вину...
Спите, трусы, вас спасут герои –
человека три на всю страну...

Борьба – это поэтическая страсть и стихотворный призыв поэтессы. Все же бесконечность и время находятся в причинно-следственном соответствии: подлинная бесконечность есть преодоление времени. Это философия. В предисловии к сборнику «Серебряная пуля» совершенно не мотивированно отождествлены два разных понятия, два разных смысла, два разных уровня и масштаба – борьба и война. Именно борьба имеет созидательную функцию. Именно о борьбе говорил Гераклит: она – «отец всех вещей» (здесь возможен и вариант перевода, который приводит С. Яшин: «борьба – отец всего»). Именно борьба у Гегеля осмыслена как сущность диалектического движения. Речь идет о борьбе противоречий, а не о войне. Например, о борьбе двух начал – дионисийском, разрушающем и аполлоническом, гармонизирующем. Быть в одно и то же время опьяненным и трезвым – в этом и есть тайна всякой серьезной поэтической работы. А война как мировое явление имеет совсем иную философию. И здесь понятна М. Струкова, написавшая свое четверостишие «Поэт»:

Мне все равно, где буду прав –
в войне умов? В войне держав?
Ведь всех полей страшней, гляди,
то поле боя, что в груди.

Очень уместной воспринимаю публикацию в сборнике «Серебряная пуля» своеобразной рецензии С. Куняева «Приближается звук» (Читая рукопись новых стихотворений Марины Струковой), где поэт, критик и редактор журнала «Наш современник» написал: «Надо правду сказать: редко, но рождалась в России порода людей, которые запре-

дельным усилием души увязывали православное смирение с героической волей самопожертвования». Здесь приведены прекрасные слова русского философа А.Ф. Лосева: «Я многие годы провел в заточении, гонении, удушении; и я, быть может, умру никем не признанный и никому не нужный. Это – жертва... В самом понятии и названии «жертва» слышится нечто возвышенное и волнующее, нечто облагораживающее и героическое... Жертва в честь и славу Матери-Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственное только и осмысливает жизнь...». Эти мысли великого философа XX столетия рождены в 1941 г.

Думаю, и автор предисловия С. Яшин, и сама Марина Струкова в своем обращении к чрезвычайно сложному закону бытия – единства и борьбы противоположностей, в процессе осмысления категории «война» кое-что не расчлениют... Без послесловия С. Куняева позиционная книга М. Струковой «Серебряная пуля», спорная в своей философии борьбы, могла бы сыграть свою деконструктивную роль. Полагаю, что в общей концепции поэтессы не столько представлена идеология борьбы (не войны) противоречий, сколько присутствует нечеткость, непроясненность (нет, не противоречивость) авторской позиции. Я склонна воспринимать метафору «серебряной пули» (сама книга, названная так, словно серебряная пуля для читателя) в прямом ее мифологическом смысле: борьба с оборотнями, с Тьмой, средоточием зла и лжи, с нечистой силой, воплощенной, как пишет С. Яшин, «в живой плоти врага». Но собственный народ – не враг.

Поэзия Марины Струковой многогранна, многопроблемна, многожанрова и многофункциональна, однако поэтическим апофеозом звучит мелодия доверия России, веры в нее:

Россия... Ей горе не ново,
и тем удивительней ей,
что только последнее слово
опять остается за ней.

Под этими словами мог бы подписаться каждый из тамбовских поэтов.

Поступила в редакцию 26.02.2015 г.

UDC 821.161.1; 822

TO THE PORTRAIT OF MODERN POEMS OF TAMBOV LAND ABOUT GREAT PATRIOTIC WAR. LITERARY-CRITICAL MOSAIC

Larisa Vasilyevna POLYAKOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of Philology Institute, e-mail: ruslit09@rambler.ru

Features to collective portrait of modern poems of Tambov land are recreated. The attention is paid to artistic search of poets of different generations, but forming their artistic precept at the cross of tragic coordinates of Russian life. Older generation is presented by participants of Great Patriotic War (I. Kuchin, S. Miloserdov); by those, who are called “children of war”, – by poems of V. Dorozhkina, E. Nachas, Al. Makarova. Poems of the born in peaceful time and coming into literature in the period of tension and drama at the time of social-political reformation of 1990s is concentrated in lyrics of M. Strukova. Methodology of fragment analysis, genre form of literary-critical mosaic are used. In artistic palette of poets is emphasized the place of theme of Great Patriotic War as of an event which changed the character of artistic vision, when “memory service”, opposing everything to leveling force of “time running”, especially attentive and the basic contradictions of the XX century had threatening-tragic character. Was marked, that poetics of authors of poems collections was full of images of home, native land, Russian nature, motives of friendship, internationalism, “admiration and light”, sounding symphony of life-affirmation, love. In poetic collective portrait dimensioned theme of Russia and “small” native county, reflected life of Tambov land, middle-Russian province of the beginning of the third century. Plot space of poems is full of dramatic pictures, which memorize bright people’s characters. The role of authors’ biography is accented.

Key words: theme of Great Patriotic War; modern poems; poetics of “memory service”; individual-artistic color; literary regional ethnography.